

Д. А. Аманжолова

О новейшей российской историографии советской этнонациональной политики: сюжеты, проблемы, идеи

Аманжолова

Дина Ахметжановна

д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

Финансирование

Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.), проект «Критический анализ концепта неокolonизма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития»

100-летие образования СССР дало повод историкам и общественности актуализировать многие проблемы советского федерализма и нациестроительства. Имеющийся историографический багаж весьма внушителен, и в его накопление включены историки разных стран. Они используют разные цели и подходы, опираясь на устоявшиеся и некоторые новые методологические приемы в расшифровке недавнего прошлого огромного государства, сыгравшего колоссальную роль в мировом развитии. К тому же последнее 30-летие подтвердило актуальность и мировую значимость наследия СССР во всем его противоречивом многообразии. Особый смысл приобрела антиколониальная направленность советского опыта, несмотря на предложения части в основном зарубежных авторов осуществить «деколониальный поворот» в его оценке, что очень сближает их риторику с дискурсивными практиками большевиков, противопоставлявших «колониализм» Российской империи собственной политике национального равенства и прогресса.

Совершенно очевидно, что советскую историю евразийского сообщества народов необходимо изучать с точки зрения ее преемственности с предшествующим имперским прошлым и краткосрочным пока периодом постсоветского функционирования новых государств. Имперский фундамент лежал в основе процессов, в рамках которых историки конкретизируют динамику федерализации на примере союзных, автономных республик и иных форм политического самоопределения, показывают содержание и смысл коренизации, практически

все наиболее важные процессы и эффекты модернизации народов СССР, взаимоотношения руководства страны и этнополитических элит на разных этапах истории, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с поддержкой этничности в рамках идеологии интернационализма. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и еще больше в движении к модерности создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления им, обеспечения новой консолидации общества на социальной и интернационалистской основе.

Политическая институционализация этничности, показываемая историками, осуществлялась в том числе для многочисленных национальных меньшинств, сопровождаясь умножением практик и инструментов, вполне пригодных и наоборот, для инструментального обогащения и понимания современных подходов к решению этнонациональных проблем в постсоветских странах. Локализованные хронологически и регионально сюжеты, представленные в современной историографии, подтверждают многослойность и адаптивную силу идентичности этносоциальных и этнокультурных групп и общностей в качестве нормы для культурно негомогенных социумов, каковым был СССР. Важно отметить также, что усложнение проблематики и событийная нюансировка, наполняя пространство нашего знания, доказывают: историческая уникальность советского типа государственности содержит богатейший и вполне применимый не только для народов бывшего СССР багаж. Его оригинальность высвечивает непрерывность исторических трансформаций, которые не ограничиваются XX столетием, а их инерционное влияние отражается на международных отношениях, развитии и взаимодействии разных цивилизаций.

К примеру, раннесоветский период остается одним из наиболее популярных в историографии, посвященной СССР. Это вполне понятно, поскольку именно тогда происходили особенно глубокие трансформации, сохранившие значение, в том числе международное, по сей день: создание федерации, всесторонний переход народов страны на новые стандарты социального прогресса, активное нациестроительство. Многие авторы детализируют конкретные процессы в истории ряда народов страны, а также предлагают некие методологические подходы и обобщения в качестве нового ракурса в анализе тех или иных сюжетов и проблем. Российские историки в последние годы не только выводят на первое место общие проблемы и сюжеты истории СССР как федерации союзных республик, но все активнее включают в научный оборот новые материалы и документы о становлении и развитии РСФСР как основы советского государства.

Как известно, иерархическое устройство СССР составило важнейшую особенность советской государственности, а ее существо, как и последствия федерализации бывшей империи, обусловили не только достижения модернизации для всех народов страны, но и основные риски политизации этничности вплоть до конца 1991 г. При этом форматирование политической системы в 1920-е гг. стало фундаментом последующего развития. Особенно сложным и противоречивым было устройство РСФСР, в составе которой объединялось

наибольшее число народов бывшей империи. Если формирование союзных республик опиралось на политическое самоопределение коренного населения, почти в каждой из них представлявшего большинство, то в автономиях России (республиках, областях, округах) этническая пестрота была гораздо сильнее, что порождало в том числе и проблемы в определении их административных границ, призванных в трудно достижимом на практике идеале максимально объединить титульные народы.

Переплетение военно-политических, социально-экономических, культурных факторов в ходе федерализации и нациестроительства по-разному проявлялось и сказывалось в отдельных регионах, что не отменяет общей направленности, сходства управленческих приемов, моделей поведения этнолит и результатов этнонациональной политики. Нарботки отечественных историков пополняют конкретные тому примеры. Богатство фактических материалов и полезных выводов заключают в себе публикации последних лет по итогам работы конференций и тематических номеров ведущих российских журналов. Так, В. В. Русанов реконструировал детали образования Горно-Алтайской автономной области, обратив внимание на зримый эффект политики самоопределения: лидеры белобандитов потеряли «главный козырь» в привлечении на свою сторону населения, и, хотя «автономия не была свободной», встраивание нового национально-государственного образования в общегосударственную систему переустройства страны создало условия для этносоциального и культурного прогресса¹.

М. С. Каменских написал, какое место занимает 1921 г. в дискуссии о создании Коми-Пермяцкого национального округа², показав вполне типичный пример федеративного строительства 1920-х гг., когда определение границ того или иного национально-территориального образования стало одной из острейших проблем и обнажило целый комплекс задач, которые требовалось решать в рамках политизации этничности. Среди них пределы самоопределения в их формально-юридическом виде, соотношение интересов этнополитического и экономического свойства в едином государстве, выработка общих для сложной в этнокультурном плане страны стандартов институционализации национальных регионов, их статус, компетенции и полномочия в сравнении с «ненациональными» краями, губерниями и областями в разбухавшей иерархической структуре управления и пр. Весьма интересными представляются детали по поводу местных активистских инициатив в их взаимодействии с властью и ее представителями, призванными олицетворять общегосударственный подход, который между тем разрабатывался непосредственно в ходе форматирования полиэтничного пространства страны. Впрочем, вывод автора о нечистоплотности действий местных органов власти в приграничных спорах, как и ограничение целей системы сдержек и противовесов в национальной политике 1920-х гг. лишь обеспечением лояльности населения разных национальностей государству, вряд ли можно считать константой.

Пространство, мотивы и смысл действий участников были более сложными и противоречивыми на всех уровнях власти, социальных и территориальных полей. Это подтверждает и фактический материал о национальной

политике в Крыму в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Г. Н. Кондратюк считает, что создание Крымской АССР было обусловлено многонациональностью населения, но в отличие от 1920-х гг., когда существовала относительная свобода национально-культурного творчества, с 1929 г. начались репрессии против национальной интеллигенции. Но более сложными для реализации принципов советской национальной политики оказались связанные с ней проблемы землеустройства, которые были разными для крымских татар и евреев, переселение коих было намечено в автономию. По мнению автора, ее пример подтверждает региональную специфику национальной политики в СССР в эти годы, что подтверждают и другие многочисленные примеры, приводимые многими исследователями. Однако непонятно, почему именно Крымская АССР стала «своеобразной опытной площадкой по апробированию мероприятий коренизации» — объяснения этому тезису не дается³. В другой своей публикации историк приводит примеры политики коренизации и советизации в Крыму в отношении других национальных групп населения — немцев, поляков, эстонцев, дополняя мозаичное полотно преобразований 1920–1930-х гг.⁴

Особенно выукло многогранную, кажущуюся мозаичной палитру советского нациестроительства представляет широкий политико-географический контекст, раскрывающий не только пестроту событийного ряда, но и вполне определенные общие черты и закономерности. В. Н. Круглов исследовал опыт реорганизации территориального устройства во всероссийском масштабе, выделив в период сталинизма три периода: территориальных экспериментов (1917–1933), управленческого прагматизма (1934–1957) и стабильности (конец 1950-х — конец 1980-х)⁵. Он увязывает экономическое районирование и создание национально-государственных единиц, что раздвигает не только территориальные, но и смысловые рамки изучения эффектов и результатов нациестроительства и федерализма, тесно связанных с экономическим развитием страны, межрегиональными связями и зависимостями, в том числе организационно-управленческими, определением границ субъектов федерации, ролью местных руководителей в организации жизни территорий и государства в целом.

При этом персонализация истории советского нациестроительства, как подтверждают публикации о конкретных национальных деятелях и судьбе определенных этнокультурных и этнополитических групп, является распространенным способом не только для прямой реконструкции посредством «очеловечивания» проблемного поля этнонациональной политики в СССР. Н. И. Бурнашева и В. Б. Игнатьева⁶ осветили роль якутского большевика М. К. Аммосова в становлении советских автономий — Якутии, Киргизии и Казахстана. История политических репрессий, которые трагически отразились в судьбе национальных элит, в том числе Аммосова, сегодня не находится на первом месте в изучении российскими учеными советской этнонациональной политики, тогда как в бывших союзных республиках эта тема по-прежнему остается важной частью идеологического обеспечения современного нациестроительства. Отечественные историки уточняют политический смысл и детали реализации карательного механизма, в том числе в отношении некоренного населения того

или иного региона, как это сделал В. Г. Дацышен на примере китайцев Забайкалья⁷. Специфика политических репрессий в сфере народного образования в 1930-е гг. рассматривается историками разных республик⁸. Р. З. Алмаев выделил характерные для всей страны цели и приемы репрессивного механизма в 1937–1938 гг., когда смена управленческого аппарата и так называемых буржуазных специалистов на советских достигла апогея. Обвинение в «местном мелкобуржуазном/буржуазном национализме» стало основным в отношении этнополитических элит, а реализация репрессивной политики была связана с конкретными обстоятельствами и персонажами, региональными коллизиями внутриаппаратной борьбы. Важным представляется замечание о незавершенной дискуссии историков по поводу роли и ответственности Центра и самих местных национальных кадров в развязывании насильственной чистки, охватившей не только бюрократию, но и самые разные слои и группы общества.

Через нюансировку вариаций кадровой политики, внутриинституциональных и межэтнических коллизий становления и функционирования федеративного государства такой подход расширяет возможности для понимания механики политического организма и существа социальной инженерии для тех или иных этносоциальных групп. Ко всему прочему, такие исследования по разным периодам советской истории показывают протяженность и сходство проблематики, связанной с формированием элит, которое было важным компонентом национальной политики. Сопоставление аналитических материалов выявляет объединяющие тенденции, мотивы, стимулы, механику функционирования и взаимодействия управленческих институций, способы регулирования конфликтных ситуаций со стороны союзного центра и участников нациестроительства на местах. Так называемые группировки 1920-х гг. в руководстве национальных республик, автономий, округов, ставшие серьезным испытанием для налаживания работы государственного организма, приобрели иные формы в последующие десятилетия, но играли не меньшую роль в судьбе страны. Типичный пример борьбы за власть на примере конфликта в руководстве Бурят-Монгольского обкома партии в 1925 г. подробно охарактеризовала Т. И. Морозова⁹. Подобного рода конфликты всегда приобретали этносоциальный и этнокультурный оборот, поскольку национальное самоопределение предопределило коренизацию в условиях острейшего дефицита специалистов, представлявших титульные народы. Целеустремленное следование декларированным властью принципам этнонациональной политики поощряло властные амбиции элит, что в конечном счете оказалось одним из разрушительных пороков федеративной советской государственности.

Обобщающий смысл имеют труды Б. Н. Миронова. Оригинальность его подхода связана с анализом статистических данных, прежде всего по итогам переписей населения, о динамике состава национальной номенклатуры и управленческих кадров в целом в союзных республиках. Он считает, что для понимания причин распада СССР следует проанализировать в междисциплинарном ключе множество факторов в их взаимном переплетении и влиянии, опираясь на массовые, прежде всего статистические, источники, что под силу только отдельному коллективу. Ученый выделил специальные критерии для

подсчета представленности разных народов в органах власти, управления, общественных организаций и пришел к выводу, что в течение всего советского периода неуклонно и систематически происходил процесс выравнивания политических статусов народов СССР. Сколько-нибудь существенные привилегии русских в формировании властных структур по стране исчезли. Нивелирование этнических статусов являлось закономерным следствием и национальной политики руководства страны (коренизации), и стремления этнических элит к равенству¹⁰. Показав, как изменялся уровень демократизма в этой сфере, историк на основе избранной методики проанализировал изменение роли титульных народов в сфере управления в целом и по союзным республикам. Он пришел к выводу, что в течение всего советского периода роль нерусских народов в управлении постоянно росла. Они были представлены больше в госаппарате, чем в партийном, а вытеснение русских из властных структур происходило во всех союзных республиках, включая РСФСР, с разной интенсивностью, вследствие политики коренизации, продолжившей начатую в имперский период линию. Это позволило сделать вывод об ошибочности утверждений, что основной причиной распада СССР считают угнетенное и дискриминационное положение нерусских. Развитие национальных элит подтачивало единство номенклатуры, обусловив раскол правящего класса по этническому признаку. Это, считает Б. Н. Миронов, показывает, что советская этнонациональная политика создала такие институты и учреждения, которые способствовали развитию центробежных тенденций¹¹. Вывод соотносится и с размышлениями Л. М. Дробижевой о развитии и роли национальной интеллигенции в союзных республиках в позднесоветский период¹².

В последние годы выросло внимание исследователей к «неполитическим» сторонам жизнедеятельности многонационального общества. При этом обнаруживается, что стремление власти контролировать все без исключения вопросы развития таких сфер обнажало как стандартизацию управленческих приемов, призванных упорядочивать разнообразие социокультурных практик, так и пластичность последних в качестве носителей и хранителей основ этничности и ее инновационных механизмов функционирования. Так, важные аспекты этнонациональной политики в сфере культуры и демографии в Таджикистане и Удмуртии освещают статьи И. Р. Каплан, Н. Сии и С. Н. Уварова¹³. В. В. Медведев и Л. П. Малахова на примере чувашей показали, в чем выражалась «советизация» их материализованной культуры, сознания, праздничной и традиционной обрядности, с последующим превращением советских канонов в часть повседневности и музейного багажа¹⁴. Разнообразные практики советской власти в Сибири как полиэтничном регионе представили участницы конференции «Мир Центральной Азии»¹⁵. Анализ многомерности и противоречивости этих процессов в их локальном воплощении весьма полезен и в познавательном плане, и для обобщений на основе современных методологических подходов. Увы, вариации по поводу «колониаторской» политики большевиков и русификации как ее основе в культурной сфере сохраняют популярность в историографии постсоветских республик, мало что добавляя к осмыслению многих важных проблем советской истории народов и культур¹⁶.

Полезными являются рассуждения П. Блитстейна о культурном разнообразии в межвоенный период в сравнительном контексте. В статье 2006 г., опубликованной впервые на русском языке в 2020 г., он подтверждает установленный и на разных примерах показанный отечественными учеными вывод, что советский подход к вопросам межнациональных отношений имел уникальную специфику, соединяя в себе противоречивые практики национализации и дифференциации. Впрочем, западные авторы неустанно стараются «понять самобытность советского подхода к управлению и преобразованию разнообразных в культурном плане групп населения», в своей аргументации ссылаясь главным образом друг на друга (Блитстейн тоже активно использовал эту практику; в статье лишь три ссылки на архивные дела из двух фондов РГАСПИ). Сравнивая советский опыт с политикой стран Восточной Европы в отношении национальных меньшинств, он заключает, что они противоположны. В свою очередь, в колониальной Африке метрополии делали все, чтобы через систему образования сохранить за коренным населением роль обслуживающего белую власть персонала. Такой подход также, пишет он, прямо противоречил цели и практикам коренизации в советском государстве. В конечном счете это было связано с целеполаганием, заключает Блитстейн (утилитарная колонизаторская прагматика и коммунистический универсализм). Государство, где не было места подданным, тем не менее, пишет он, отошло от политики Ленина и Сталина, создававших «ненациональное» государство, поскольку становилось национализирующимся, то есть обрекало себя на проблемы примирения с развивающимися социалистическими нациями в будущем и не смогло решить их¹⁷. Продиктованная цивилизационно ограниченными представлениями об условиях и стандартах межэтнического взаимодействия и политического действия логика автора может показаться убедительной в связи с распадом СССР. Между тем ставшие независимыми бывшие союзные республики унаследовали вполне развитый экономический, социальный и образовательный фундамент, а Россия демонстрирует собственный цивилизационный подход к сохранению неомогенной целостности.

Д. Бранденбергер, отвечая на вопросы редакции «Вестника РУДН», рассказал о своем понимании роли партийной «мобилизационной пропаганды» в обеспечении советского патриотизма, которую он считает схематичной и бескровной до середины 1930-х гг., пережившей оживление, но вернувшейся в конце 1930-х к «бескровному схематизму». Это он связывает с так называемым руссоцентризмом сталинской эпохи (использованный историком ранее термин «национал-большевизм» в названии монографии при ее втором издании заменился «руссоцентризмом»), и его «следует рассматривать как инструментальный и популистский по замыслу шаг, предназначенный для мобилизации, а не для предоставления прав». Бранденбергер считает, что политика Сталина неожиданной для него самой привела к формированию массового чувства русского национального самосознания, более или менее независимого от советских социалистических атрибутов¹⁸. Но разве массовое русское самосознание было новацией XX в. и не имеет длинную, богатую и, конечно, непрямолинейную историю развития? Вероятно, к тому же, для полного

исследования столь важного вопроса не стоит ограничиваться лишь историей советской пропаганды. В связи с разрушительными изменениями в мобилизационной пропаганде стран Запада с 2022 г. на основе русофобии особо актуальным представляется не только новый взгляд на русское самосознание как надэтническое явление в его историческом развитии, но и сравнительный анализ существа, характера, инструментария и идеологических основ пропагандистской деятельности государств.

Особого внимания заслуживает Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Как стало очевидно в новых, имеющих мировые последствия, исторических обстоятельствах, подвиг народов СССР, консолидированных в советскую поликультурную гражданскую общность, имеет непреходящее историческое значение и приобрел ныне новые важнейшие смыслы вследствие возрождения нацистской идеологии и практики, выражающейся в неприкрытой русофобии на Западе. Патриотизм, интернационализм и советскость как безусловные факторы Победы, были тесно взаимосвязаны в своих проявлениях и степени влияния на ход и итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн. Великая Отечественная война стала особым этапом, когда через Красную армию прошли миллионы граждан всех национальностей. Общий военный опыт в экстремальных обстоятельствах кросс-культурных коммуникаций являлся важным фактором межэтнической интеграции. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие. Война послужила самым сильным индикатором, «провокатором» для проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, приоритетов их ценностных ориентиров.

Как констатировали ученые, советский народ встретил войну «сложным, неоднородным по своему отношению к действительности, к идеалам, пропагандируемым сверху. В этой сложной ситуации люди сохранили традиционные духовные и моральные ценности: веру, любовь к родной земле, чувство национальной гордости и независимости»¹⁹. В данном контексте весьма ценными являются наработки А. Ю. Безугольного об интернациональном составе Красной армии. Он выявил и ввел в научный оборот комплекс учетно-статистических материалов центральных организационно-мобилизационных учреждений Наркомата обороны СССР, что позволило впервые с помощью количественных методов, системно, а не на основе случайно выбранных статсведений из разных источников, проанализировать этнонациональный аспект истории Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В частности, ученый показал, что основная нагрузка в первый период войны легла в основном на плечи русского народа, чье абсолютное и удельное представительство в войсках резко выросло. Показано, что важным источником для пополнения рядов действующей армии, особенно в 1942–1943 гг., становятся республики Закавказья и Средней Азии, но формирование частей и привлечение представителей народов из них имело важную конкретную и динамично меняющуюся специфику. Так, если у закавказских народов пиковые значения комплектования армии пришлось на первый период войны, то у среднеазиатских — на второй. В последний период войны в рядах РККА росла абсолютная и относительная численность

украинцев, а также проживавших в западных областях СССР белорусов, молдаван, латышей, литовцев и эстонцев, хотя их удельный вес был не столь велик. Приводятся данные и по другим группам народов (тюркские, финно-угорские, прибалтийские, евреи). Автор делает глубоко обоснованный вывод, что изменения стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую влияли на этнические акценты в комплектовании РККА. Постоянной оставалась лишь роль станового хребта Красной армии, которую выполнял русский народ, испытывавший демографическую перегрузку в течение всей войны²⁰.

Малоизученные доселе аспекты истории грандиозного и тяжелейшего испытания для всех народов СССР постоянно включаются в поле зрения ученых. Это приобрело актуальность, поскольку готовность и способность разных социально-демографических групп общества консолидироваться в условиях современных серьезных угроз российской государственности и народу опираются на великие уроки нашего прошлого, включая трагическую цену Великой Победы, которая позволила победить нацизм и сохранить многонациональное единство общества. Разнообразные факты истории боевых подвигов, идейной и трудовой мобилизации и консолидации общества, повседневности на фронте и в тылу, меморизации войны и Победы, изучения драматических и трагических проявлений героизма и преступного предательства в годы Великой Отечественной войны и др., в том числе на новых источниках, исследуются и освещаются не только на форумах, приуроченных к юбилейным датам²¹. Они остаются важной частью российской историографии, исторического образования и просвещения.

Например, П. А. Мухаметов на примере Башкирии обобщил весьма ценный на сегодня исторический опыт физкультурной и оборонно-массовой работы добровольных обществ, развития технических и военно-прикладных видов спорта накануне войны; деятельность государственных, партийных и общественных организаций по этим направлениям в условиях войны, в том числе осуществление Всеобуча, создание местной противовоздушной обороны и вклад оборонных обществ в подготовку резерва Красной армии²². Вместе с тем, вероятно, более активно, особенно в образовательном и просветительном отношении, необходимо освещать самые трагические и отвратительные факты политики и практики нацистов и их пособников в отношении народов СССР. Деликатность и умолчания по поводу таких преступлений, присущие нашему обществу и государству в их стремлении гармонизировать межэтническое и межгосударственное взаимодействие, конструктивно опираться на лучшее в историческом опыте, привели в определенной мере к серьезным изъянам в пространстве общественного знания, порождая подчас беспечное восприятие уроков прошлого и зримых рисков настоящего России.

Не менее актуальным остается изучение состояния и развития самой исторической науки в годы войны. В частности, продолжаются дискуссии о значении и последствиях известного совещания историков 1944 г. в ЦК ВКП(б). По мнению О. В. Гришаева, оно сыграло особую роль в утверждении советской историографии русской истории, поскольку окончательно определило границы усвоения наследия дореволюционной исторической науки. К тому же русскому

патриотизму, «руссоцентризму» (автор использовал здесь термин Д. Бранденбергера), востребованному в годы войны с точки зрения политического режима, необходимо было поставить определенные ограничения²³. Меж тем В. В. Тихонов рассматривает роль совещания с другой стороны — актуальной задачей историков на нем, пишет он, определялась демонстрация братства народов во главе с русским, и антироссийские движения выпячивать не рекомендовалось как неудобный материал. Совещание он считает поворотным событием в создании новой концепции национальных историй народов СССР, отмечая к тому же, что «даже в верхушке идеологов не было единства», когда возникла острая дискуссия в связи с выходом «Истории Казахской ССР»²⁴.

СССР, как свидетельствует драматический и героический опыт Великой Отечественной войны, обеспечил полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбывной данности. Разумеется, это не могло не породить множество противоречий и рисков — нациестроительство для всех народов потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ». Негомогенность, культурная сложность и адаптивность моделей поведения разных социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если бы изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов. К тому же категория «советский народ», как и «советскость», «советское» остаются одними из наиболее дискутируемых, а их интерпретация приобретает значимые смыслы в контексте осмысления цивилизационных основ России.

Межэтнические культурные, социальные и экономические связи советских республик в целом в контексте советской этнонациональной политики могут стать важным предметом изучения, особенно в связи с потребностью критического анализа «деколониального» дискурса зарубежной историографии. Представляется весьма актуальным исследование социально-экономических связей и взаимодействия национально-государственных и административно-территориальных единиц СССР, как между собой, так и в контексте организующей и координирующей роли общесоюзных институтов. Ценное замечание в этом контексте делают авторы монографии об интериоризации советской модели в Бурят-Монголии: «Запущенные большевиками революционные процессы трансформации через созданные институты государственности не являлись односторонним социальным экспериментом, а представляли собой многоуровневое взаимодействие с существенной долей взаимовлияния и взаимопроникновения». Этот труд демонстрирует комплексный, междисциплинарный подход к анализу совокупности чувствительных проблем этнонациональной политики 1920–1930-х гг., включая не только взаимодействие традиции и модерна в ходе нациестроительства, экономическую модернизацию и культурную рево-

люцию, но и особенности социальной адаптации разных групп традиционных сообществ автономии, а также создание системы здравоохранения и борьбу за оздоровление населения. Ученые на обширных материалах убедительно подтвердили важные выводы других историков, сделанные на примере иных национальных общностей, что проводники советской модернизации «активно использовали некоторые формы традиционной культуры в продвижении своих инноваций». Более того, традиционная культура не только «сживалась» с советской моделью, но и влияла на ее эволюцию. Этническая традиция встроилась в советский модернистский проект, заняв подчиненное место в новой системе социальных, культурных и политико-идеологических координат²⁵. Крайне важную роль, как показывает советский опыт, играет устойчивость государства, его способность к эффективному управлению разнообразием и сохранению межэтнического согласия.

На упомянутом совещании историков 1944 г. был также затронут остающийся весьма дискуссионным вопрос о понятии «советский народ», вошедшем в оборот во второй половине 1930-х гг. М. В. Нечкина представила формирование советского народа как задачу научного исследования и теоретического освещения²⁶, но ее решение в советской историографии оставалось в жестких рамках установок власти. Ныне концепт «советский народ» анализируется и обсуждается достаточно активно, и точка в решении вопроса о его сущности не поставлена²⁷. Очевидно, что негомогенность, культурная сложность и пластичность культуры разных социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов.

Проблематизация названных и иных вопросов истории советской этнонациональной политики — сложная задача, решение которой связано с усилиями исследователей, научных структур и коллективов периодических изданий. Их объединение вряд ли возможно в организационном отношении, меж тем дальнейшее развертывание научных поисков и дискуссий на платформе специализированных журналов, дающих возможность творческого обмена новым знанием, остается одним из наиболее перспективных путей. Обзор некоторых новейших приобретений российской историографии показывает, что основные усилия ученых направлены на более глубокое погружение и исследование коллизий формирования федерации (от союзных республик до национальных сельсоветов как символов самоопределения меньшинств), перехода народов страны от традиции к модерности во всех областях социального пространства и нациестроительства как процесса такого перехода, взаимоотношений центра и регионов, в том числе руководства страны и этнополитических элит, культурных трансформаций в этносоциальной сфере с включением в круг изучения истории повседневности, движение от анализа политики в отношении

женщин в этнокультурном контексте к расширению такой тематики в качестве гендерной. Умножение локализованных хронологически и географически описаний и реконструкции событий дает возможность выходить на обобщения, объясняющие исторические риски, адаптивные свойства и интегративные эффекты государственного устройства культурно сложного российского общества, его цивилизационный смысл и перспективы²⁸. Это предполагает комплексную оценку эффективности политического инструментария, который обеспечивал баланс между разнонаправленными тенденциями централизма (унитаризма) и федерализма, а также модернизацию традиционных культур и конструирование наций в условиях советской идеологизированности, динамику и специфику организационно-политических и социокультурных практик консолидации советского социума.

¹ *Русанов В. В.* Образование Горно-Алтайской автономной области как решение проблемы национального суверенитета алтайского народа // Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования СССР, 26–27 мая 2022 г. / под ред. С. В. Землюкова. Барнаул, 2022. С. 104–111.

² *Каменских М. С.* 1921 год в дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 1. С. 47–62.

³ *Кондратюк Г. Н.* Национальная политика в Крымской АССР в 1929–1934 годах: изменение курса // Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы. С. 139–143.

⁴ *Кондратюк Г. Н.* Национальная политика в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Ноябрьские историко-архивные чтения — 2021 г. Материалы Международной научно-практической конференции «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе. К 100-летию создания СССР». ПермГАСПИ. 30 ноября — 1 декабря 2021 г.: сб. / под ред. С. В. Неганова, А. В. Черных. Пермь, 2022. С. 148–181.

⁵ *Круглов В. Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020.

⁶ *Бурнашева Н. И., Игнатьева В. Б., М. К. Аммосов:* из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 1. С. 63–77.

⁷ *Дацышен В. Г.* Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 1. С. 57–71.

⁸ *Алмаев Р. З.* Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 1. С. 95–118.

⁹ *Морозова Т. И.* Конфликт в Бурят-Монгольском обкоме РКП(б): формальные и неформальные практики борьбы за власть (март — ноябрь 1925 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 142–153.

¹⁰ *Миронов Б. Н.* Этническая дискриминация при формировании органов государственной власти СССР // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 169.

¹¹ *Миронов Б. Н.* Дерусификация управления в СССР // Там же. 2021. Т. 11, № 2. С. 436–458.

¹² *Дробижева Л. М.* Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М., 2012. С. 332–379.

¹³ *Каплан И. Р.* Товарищи по искусству: фестиваль народного искусства и дружбы народов СССР в середине 1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

История России. 2020. Т. 19, № 1. С. 78–94; *Син Н.* Советская таджикская писательская элита в конце 1930-х годов // Там же. С. 119–135; *Уваров С. Н.* Брак и семья в Удмуртии в 1939–1959 гг. // Там же. С. 136–154.

¹⁴ *Медведев В. В., Малахова Л. П.* «Советизация» традиционной культуры чувашей в 20–30-е годы XX века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 186–197.

¹⁵ Мир Центральной Азии — V: сб. науч. ст. / науч. ред. А. П. Деревянко, Б. В. Базаров, редкол. М. Н. Балдано и др.; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и др. Новосибирск, 2022.

¹⁶ *Эргашева Ю. А.* Культурная политика и ее осуществление в Узбекистане в 1917–1940-е гг. // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции. Казань, 27–28 октября 2022 г. / отв. ред. И. И. Ханипова. Казань, 2022. С. 76–84.

¹⁷ *Блитштейн П.* Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 1. С. 18, 30–31, 37–38.

¹⁸ «Сталинский руссоцентризм». Интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.) // Там же. С. 228–230, 232, 234.

¹⁹ *Сахаров А. Н., Жирумская В. Б.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 45.

²⁰ *Безугольный А. Ю.* Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 298–319.

²¹ Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редкол.: А. А. Николаев (отв. ред.), М. А. Семёнов (отв. секр.) и др.; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2020.

²² *Мухаметов П. А.* Военно-патриотическая и оборонно-массовая работа в Башкирской АССР в 1933–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2017.

²³ *Гришаев О. В.* Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 132–136.

²⁴ *Тихонов В. В.* «Национальные» истории народов СССР: научные сюжеты и политические практики // Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Красовицкая Т. Ю., Тихонов В. В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 465–468.

²⁵ Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.) / М. Н. Балдано, В. Ю. Башкуев, П. К. Варнавский и др.; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск, 2021. С. 5, 384–385, 391.

²⁶ Цит. по: *Тишков В. А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 293–294.

²⁷ *Варнавский П.* Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. № 4. С. 239–262; *Аманжолова Д. А.* Советский народ. Некоторые аспекты дискуссии // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А. В. Головнев, Э.-Б. М. Гучинова. М., 2021. С. 316–329; «Советская нация» vs «Советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности // Новое прошлое. 2022. № 4. С. 176–220; и др.

²⁸ См., например: *Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю.* Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М., 2022.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2023 г.

Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аманжолова Д. А. О новейшей российской историографии советской этнонациональной политики: сюжеты, проблемы, идеи // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 4. С. 990–1005. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.418>

Аннотация: Рассмотрены некоторые проблемы изучения советской этнонациональной политики. Отмечается, что накопленный историографический багаж позволяет обновить и углубить понимание ключевых вопросов истории нациестроительства и межэтнических отношений, региональных примеров межкультурной интеграции в многонациональной стране, поскольку они во многом определили особенности формирования и судьбу советской федерации. Основное внимание уделено отечественной историографии. Наработки российских историков отличаются комплексным подходом, междисциплинарностью, профессиональным анализом уникальных источников, что позволяет реконструировать процесс реализации советской национальной политики в разных этносоциальных средах, выделить сходства и различия на примере отдельных национальных регионов, а также дают прочный фундамент для создания обобщающих трудов и определения исследовательских перспектив. В этой связи освещается и одна из дискуссионных тем современной историографии, связанная с интерпретацией концепта «советский народ». Автор отмечает, что наиболее интенсивно изучается раннесоветский период, когда происходило интенсивное нациестроительство и оформился облик советской федерации. Выделяются наиболее важные идеи ученых, в которых анализируются существо, характер и детали федеративного строительства, организации транзита многокультурного, изначально сложного общества СССР от традиции к модерности, развитию межнациональных отношений, политики государства в этносоциальной и этнокультурной областях, деятельности национальных лидеров, кадровой политики в национальных республиках, этноориентированных практик в разные периоды советской истории. Подчеркивается актуальный смысл советского исторического опыта функционирования многосоставного государства и межэтнической консолидации, в том числе в годы Великой Отечественной войны, для решения современных задач упрочения гражданского единства российского общества. В связи с потребностью критического анализа «деколониального» дискурса зарубежной историографии весьма актуальным автор считает исследование социально-экономических связей и взаимодействия национально-государственных и административно-территориальных единиц СССР как между собой, так и в контексте организующей и координирующей роли общесоюзных институтов. Предлагаются некоторые идеи для расширения предметного поля и проблематизации широкого круга дискуссионных вопросов истории национальной политики.

Ключевые слова: СССР, историография, советская этнонациональная политика, этничность, нациестроительство, межэтническая интеграция, аккультурация.

Сведения об авторе: Аманжолова Д. А. — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); amanzholova19@mail.ru

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Amanzholova D. A. 'About the Latest Russian Historiography of Soviet Ethno-National Politics: Plots, Problems, Ideas', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 990–1005. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.418> (In Russian)

Abstract: The main attention is paid to the national historiography. The achievements of Russian historians are distinguished by an integrated approach, interdisciplinarity, professional analysis of unique sources, which makes it possible to reconstruct the process of implementing Soviet national policy in different ethnosocial environments, highlight similarities and differences on the example of individual national regions, provide a solid foundation for the creation of generalizing works and determining research prospects. In this regard, one of the controversial topics of modern historiography related to the interpretation of the concept of the "Soviet people" is also highlighted. The author notes that the early Soviet period is most intensively studied, when intensive na-

tion-building took place and the image of the Soviet Federation took shape. The most important ideas of scientists are highlighted, which analyze the essence, nature and details of federal construction, the organization of the transit of the multicultural, initially complex society of the USSR from tradition to modernity, the development of interethnic relations, state policy in ethnosocial and ethno-cultural fields, the activities of national leaders, personnel policy in national republics, ethno-oriented practices in different periods of Soviet history. The author emphasizes the actual meaning of the Soviet historical experience of the functioning of a multi-component state and interethnic consolidation, including during the Great Patriotic War, in order to solve modern problems of strengthening the civil unity of Russian society. Due to the need for a critical analysis of the “decolonial” discourse of foreign historiography, the author considers the study of socio-economic relations and interaction of national-state and administrative-territorial units of the USSR to be very relevant, both among themselves and in the context of the organizing and coordinating role of all-Union institutions. Some ideas are proposed to expand the subject field and problematize a wide range of debatable issues.

Keywords: USSR, historiography, ethnonational policy, ethnicity, nation-building, interethnic integration, acculturation.

The article was prepared within the framework of the Program of Scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025), project: “Critical analysis of the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience of national policy and ethno-cultural development”.

Author: *Amanzholova D. A.* — Dr. Sci. in History, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); amanzholova19@mail.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

- Almaev R. Z. ‘The fate of the enlightenment figures of the Bashkir ASSR during the struggle against “bourgeois nationalism” (1937–1938)’, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, 2020, pp. 95–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118> (In Russian)
- Amanzholova D. A. ‘The Soviet people. Some aspects of the discussion’ in *Antropologija i etnologija: sovremennij vzgljad* (Moscow, 2021). <https://doi.org/10.31.250/978-5-8243-2449-5-2021-316-327> (In Russian)
- Amanzholova D. A., Drozdov K. S., Kostyrchenko G. V., Krasovickaja T. Yu. *Soviet Federation: from empire to modernity. 1917–1941* (Moscow, 2022). (In Russian)
- Bezugolnyi A. Yu. ‘Ethnic aspect of the recruitment of the Red Army during the Great Patriotic War: historical and statistical review’, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 2, 2020, pp. 298–319. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-298-319> (In Russian)
- Blitstein P. ‘Cultural diversity and interwar conjuncture: Soviet national policy in a comparative context’, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, 2020, pp. 16–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-16-46> (In Russian)
- Burnasheva N. I., Ignatieva V. B. ‘M. K. Ammosov: from the pleiad of national leaders of the early Soviet era’, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, 2020, pp. 63–77. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77> (In Russian)
- Datsishen V. G. ‘The Chinese population of Transbaikalia in the conditions of the Stalinist system in the 1930s’, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 1, 2022, pp. 57–71. <https://doi.org/10.22363.3/2312-8674-2022-21-1-57-71> (In Russian)
- Drobizheva L. M. ‘Ethnicity in the socio-political processes of the USSR of the last two decades’ in *Etnicheskie i religioznye faktory v formirovanii evoliutsii Rossijskogo gosudarstva* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Ergasheva Yu. A. ‘Cultural policy and its implementation in Uzbekistan in the 1917–1940s.’ in *Sotsial’noe i natsional’noe v sovetskoi kul’ture: k 65-letiiu Dekady tatarskogo iskusstva i literatury v Moskve: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kazan, October 27–28, 2022* (Kazan, 2022). (In Russian)
- Grishaev O. V. ‘The role of the 1944 meeting of historians in the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the development of Soviet historiography of Russian history’, *Nauchnye vedomosti. Ser. Istorija. Politologija. Ekonomika. Informatika*, no. 1 (144), Iss. 25, 2013. (In Russian)

- Kamenskikh M. S. '1921 in the discussion on the creation of the Komi-Permyak district', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, 2020, pp. 47–62. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62> (In Russian)
- Kaplan I. R. 'Comrades in Art: Festival of Folk Art and Friendship of the Peoples of the USSR in the mid-1930s', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, pp. 78–94, 2020. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-78-94> (In Russian)
- Kondratyuk G. N. 'National policy in the Crimean ASSR in 1929–1934: change of course' in *Sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimodeistviia slavianskikh i tiurkskikh narodov SSSR: itogi i perspektivy* (Barnaul, 2022). (In Russian)
- Kondratyuk G. N. 'National policy in the Crimean ASSR in the Interwar period (1920–1930s)' in *Noyabr'skie istoriko-arkhivnye chteniia — 2021 g. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Natsional'naiia politika i migratsionnye protsessy v Sovetskom Soiuze. K 100-letiiu sozdaniia SSSR". PermGASPI, November 30 — December 1, 2021* (Perm, 2022). (In Russian)
- Kruglov V. N. *Organization of Russian territory in 1917–2007: ideas, practices, results* (Moscow — St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Medvedev V. V., Malakhova L. P. "Sovietization" of the traditional culture of the Chuvash in the 20s–30s of the 20th century', *Nauchnyi dialog*, no. 3, 2018, pp. 186–197. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-186-197> (In Russian)
- Mironov B. N. 'Derusification of management in the USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021, pp. 149–173. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.110> (In Russian)
- Mironov B. N. 'Ethnic discrimination in the formation of state authorities of the USSR', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 1, 2021, pp. 436–458. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.209> (In Russian)
- Morozova T. I. 'The conflict in the Buryat-Mongolian Regional Committee of the RCP(b): formal and informal practices of the struggle for power (March – November 1925)', *Tomsk State University Journal*, no. 426, 2018, pp. 142–153. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/18> (In Russian)
- Mukhametov P. A. *Military-patriotic and defense-mass work in the Bashkir ASSR in 1933–1945* [Candidate of History Dissertation] (Ufa, 2017). (In Russian)
- Rusanov V. V. 'Formation of the Gorno-Altai Autonomous Region as a solution to the problem of national sovereignty of the Altai people' in *Sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimodeistviia slavianskikh i tiurkskikh narodov SSSR: itogi i perspektivy* (Barnaul, 2022). (In Russian)
- Sakharov A. N., Zhiromskaya V. B. 'The appearance of the people at the beginning of the Great Patriotic War' in *Narod i voina: ocherki istorii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Sii N. 'The Soviet Tajik writing elite in the late 1930s', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 19, no. 1, 2020, pp. 119–135. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-119-135> (In Russian)
- Tikhonov V. V. "'National" histories of the peoples of the USSR: scientific plots and political practices' in Amanzholova D. A., Drozdov K. S., Krasovitskaya T. Yu., Tikhonov V. V. *Sovetskii natsional'nyi proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika* (Moscow, 2021). (In Russian)
- Tishkov V. A. *The Russian people. History and meaning of national identity* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Uvarov S. N. 'Marriage and family in Udmurtia in 1939–1959', *RUDN Journal of Russian History*, vol. 17, no. 1, 2018, pp. 136–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154> (In Russian)
- Varnavskii P. 'The Soviet people: the Creation of a Unified Identity in the USSR as the construction of a common memory (based on the materials of the Buryat ASSR)', *Ab Imperio*, no. 4, 2004, pp. 239–262. (In Russian)

Received: February 26, 2023

Accepted: July 31, 2023